

Глава 1

ЮНОСТЬ ГОСУДАРЯ

Государю Ивану Васильевичу досталось не самое счастливое детство и сиротская юность. Многие историки XIX и XX столетий склонны были несчастьями первых лет его жизни объяснять искривление характера, неровность воли и даже отыскивать в этой почве корни психических заболеваний, приписываемых царю. Конечно, личность складывается в весеннюю пору жизни. Но одними юными годами всего объяснить невозможно. Многие русские государи с молодых ногтей принуждены были видеть ужасные вещи, приходилось им и пострадать, некоторые рано лишались родителей, другим доставались такие родители, что не приведи Господь; но характеры выходили разные. Иван III скитался со своим отцом, постоянно терпевшим поражение от политических противников. Федор Иванович, сын Ивана Грозного, лишился матери, Анастасии Захарьиной-Юрьевой, когда был юнее годами, чем его отец; детство будущего государя-праведника прошло в декорациях опричнины. Михаил Федорович рос в эпоху Великой Смуты и править начал в нежном возрасте. Петр I сполна получил ужас стрельческих бунтов... И много ли в них общего? В конце концов, человек сам отвечает за свои грехи, сам выбирает себе дорогу и сам правит своей судьбой. Зрелая личность покидает детские страхи, преодолевает юношеские комплексы и сама формирует себя...

И все же печальная судьба малолетнего наследника престола достойна сочувствия.

Будущий царь Иван Васильевич родился 25 августа 1530 года. Крестили его в Троице-Сергиевом монастыре. К тому времени его отцу, великому князю Василию Ивановичу, было за пятьдесят, однако наследником Бог его не наделил. Летопись показывает рождение Ивана Васильевича как событие мистического характера, сравнивая его с ветхозаветными историями: зачатием Исаака у Авраама и Сарры или зачатием Пречистой у Иоакима и Анны. Бесплодие стало для Василия III мучением и чуть ли не позором. Никоновская летопись трогательно и торжественно рассказывает о снятии этого бремени: «Бе... ему¹ все тщание везде к Богу молебная простирати, желаше бо попремногу от плода чрева его посадити на престоле своем в наследие роду своему, и тако потщася принудити непринудимое существо благости Божия, его же ради Господь не преслуша моления его и слезам его внят. Весть бо Богу содетель всяческих, яко сего ради многожеланным подвигом непрестанно разгорается сердце царево на молитву к Богу, да не погибнут бес пастыря не точию едины Русския страны, но и вси православнии; и сих ради милосердый Бог *разверзе союз неплодства его*² (курсив мой. — Д. В.) и дарова ему родити наследника державе его...»³

Дорогой ценой куплено было семейное счастье великого князя Василия III... Ему пришлось расторгнуть первый брак и жениться вновь. История с разводом отца будет на протяжении всей жизни сына отбрасывать зловещую тень на его царствование.

Впрочем, ликование московского правителя после рождения первенца принесло и добрый плод русской культуре. Государь велел построить знаменитую церковь Вознесения в Коломенском (1532). Порой искусствоведы добродушно шутят: дескать, форма храма — свеча, устремленная к небу, — явилась благодаря желанию Василия III сказать еще разок народу: «Нет, не старик я, люди добрые, отнюдь не старик!»

В 1532 году у Василия III родился младший сын Юрий, единокровный брат Ивана Васильевича. Он, очевидно, страдал каким-то наследственным заболеванием, поскольку летопись говорит о нем: «несмыслен и прост». Никакой роли в судьбе старшего брата и в делах правления он не сыграл.

Отец с необыкновенным вниманием заботился о сыновьях, но недолго пробыл с ними. После мучительной болезни великий князь скончался в декабре 1533 года. Тогда старшему сыну шел четвертый год.

На смертном одре Василий III призвал своего первенца, Ивана, и благословил его крестом на великое княжение. Этот крест, по словам летописи, имеет древнюю историю: им благословлял еще св. Петр-митрополит Ивана Калиту⁴. Умирая, Василий Иванович призвал «бояре своя» оберегать Русскую землю и веру «...от бесermenства и от латынства и от своих сильных людей, от обид и от продаж, все заодин, сколько... Бог поможет», а также взял крестное целование со своего взрослого брата Юрия в том, что тот будет честно служить Елене Глинской и малолетнему сыну Ивану, не пытаясь захватить власть⁵. Впрочем, этот символический акт отнюдь не воспрепятствовал политической борьбе, развернувшейся после смерти Василия III...

Большинство историков придерживались и придерживаются концепции, согласно которой Василий III из числа влиятельных людей, которым он мог доверять, перед кончиной назначил «регентский» или «опекунский» совет. И этот совет мог действовать чуть ли не как особое учреждение, обладающее значительной властью. Но состав названного совета не определен, документов, составленных от его имени, науке не известно, а попытки реконструировать списки «опекунов» чаще всего выливаются в прикидывание: кто из «думных людей» получил наибольшее влияние на дела? По всей видимости, значение имеет прежде всего то, какие силы правили страной, а не какие представители этих сил входят в реестр «опекунов». Само наличие «регентского совета»

и четко очерченных властных полномочий «опекунов» до сих пор не могут считаться доказанными⁶.

В среде современных историков одно время были популярны догадки о незаконном происхождении Ивана Васильевича. Во всяком случае, высказывались предположения (А.А. Хорошкевич), что русская знать и соседние государи намекали время от времени молодому правителю о сомнительности отцовства Василия III. Летопись и иные официальные документы (кроме тонких обмолвок в дипломатической переписке) не дают для подобных умозаключений ни малейшего повода. Но, во-первых, великий князь Василий Иванович зачал сыновей лишь во втором браке, да и то далеко не сразу, притом будучи, как уже говорилось, на шестом десятке⁷. И, во-вторых, вскоре после его кончины возникли обстоятельства, заставляющие предполагать связь его вдовы, Елены Глинской, с боярином и воеводой Иваном Федоровичем Телепневым-Оболенским по прозвищу Овчина. В годы регентства Елены Глинской (1533—1538) князь И.Ф. Телепнев-Оболенский был могущественным человеком, крупным военачальником и приближенным великой княгини. Об этом свидетельствует императорский дипломат Сигизмунд Герберштейн. Он пишет: «...по смерти государя вдова его стала позорить царское ложе с неким боярином, по прозвищу Овчина, заключила в оковы братьев мужа, свирепо поступает с ними и вообще правит слишком жестоко». Далее Герберштейн добавляет: князь Михаил Львович Глинский, дядя Ивана Васильевича, крупный полководец и политический деятель, принялся увещевать великую княгиню, но был обвинен в измене, «ввергнут в темницу», где и умер «жалкой смертью». Вскоре после его гибели вдову Василия III, «по слухам», отравили, «...а обольститель ее Овчина был рассечен на куски⁸. После гибели матери царство унаследовал старший сын ее Иван...»⁹. Сейчас трудно определить, до какой степени верны сплетни об «опозоренном ложе», но само их возник-

новение обязано мыслям, бродившим в русских головах, а не в немецких. Русская служилая аристократия без особой лояльности относилась к Елене Глинской.

Прежде всего, с ее именем связывали некрасивые обстоятельства, связанные с расторжением первого брака Василия III. Его предыдущая супруга, Соломония, из старинного боярского рода Сабуровых, не дала ему ребенка. Трудно судить, кто в этом виноват. После насильственного пострижения в монахини она как будто родила (уже в монастыре!) царевича Георгия, что больше похоже на басню¹⁰. Большинство современных историков скептически относятся и к возможности рождения Георгия Васильевича, и подавно к возможности его соперничества с Иваном IV. Однако состояние источников не позволяет ни окончательно опровергнуть, ни подтвердить гипотезу о тайном сыне Василия III.

Две эти истории — с самым знаменитым разводом за всю русскую историю и с появлением на свет Божий фантомного великокняжеского наследника — требуют особого внимания. Они с большой силой повлияли на жизнь Ивана Васильевича.

Соломония Сабурова родилась в конце 80-х — начале 90-х годов XV века. Она происходила из древнего и богатого боярского рода, издавна служившего московским князьям. В 1506 году великий князь московский Василий III, избрав Соломонию из множества красавиц, сделал ее своей женой. Их брак продлился два десятилетия, и ничто не сообщает о ссорах между ними: по всей видимости, их супружеская жизнь устроилась счастливо. Соломония была благочестивой женщиной, и до наших дней сохранился вышитый ее руками покров на гробницу святого Сергия Радонежского.

Одно омрачало жизнь венценосной четы: у них не было ребёнка. Супруги совершали богомольные поездки в монастыри, молились о чадородии, но их мечта всё никак не исполнялась. Между тем бездетность великого князя

угрожала стране большой смутой. Его братья, прежде всего князь Юрий Дмитровский, хищно посматривали на престол московский, в среде служилой знати были свои претенденты, в глазах которых Московский княжеский дом был не самым родовитым на Руси... За столетие до того споры о наследовании великокняжеского звания вызвали на землях Московского княжества кровавую войну, продлившуюся двадцать пять лет! Русские рати несколько раз сходились в кровопролитных сражениях. Подверглись ослеплению князь Московского дома — Василий Косой и Василий Темный, а еще один князь, прямой потомок Дмитрия Донского Дмитрий Шемяка, по всей видимости, был отравлен... Теперь стране угрожала новая бойня. Судьба всего государства зависела от отношений между мужем и женой.

Существует две версии того, что происходило дальше. Одна из них основывается на свидетельствах немецкого дипломата барона Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в Москве в 1526 году, а также на истории, рассказанной через много десятилетий князем Андреем Курбским, перебежавшим во время войны на сторону литовцев.

Что пишут они?

Вот история, рассказанная Герберштейном в его труде «Записки о московитских делах»: «...рассерженный бесплодием супруги, он [Василий III] в тот самый год, когда мы прибыли в Москву, т.е. в 1526-й, заточил ее в некий монастырь в Суздальском княжестве. В монастыре, несмотря на ее слезы и рыдания, митрополит сперва обрезал ей волосы, а затем подал монашеский куколь, но она не только не дала возложить его на себя, а схватила его, бросила на землю и растоптала ногами. Возмущенный этим недостойным поступком, Иван Шигона, один из первых советников, не только выразил ей резкое порицание, но и ударил ее бичом, прибавив: “Неужели ты дерзаешь противиться воле государя? Неужели медлишь исполнить ее веления?” Тогда Саломея [так Герберштейн называет Соломонию]

спросила его, по чьему распоряжению он бьет ее. Тот ответил: “По приказу государя”. После этих слов она, упав духом, громко заявляет в присутствии всех, что надевает куколь против воли и по принуждению и призывает Бога в мстители столь великой обиды, причиняемой ей. Итак, Саломея была заточена в монастырь, а государь женился на Елене, дочери князя Василия Глинского Слепого, в то время уже покойного, — он был братом князя Михаила Глинского, который тогда содержался в плену. Вдруг возникает молва, что Саломея беременна и даже скоро разрешится. Этот слух подтверждали две почтенные женщины, супруги первостепенных советников, казнохранителя Георгия Малого и постельничего Якова Мазура, и уверяли, что они слышали из уст самой Саломеи признание в том, что она беременна и скоро разрешится. Услышав это, государь сильно разгневался и удалил от себя обеих женщин, а одну, супругу Георгия, велел даже подвергнуть бичеванию за то, что она своевременно не донесла ему об этом. Затем, желая узнать дело с достоверностью, он посылает в монастырь, где содержалась Саломея, советника Федора Рака и некоего секретаря Потата и поручает им тщательно расследовать правдивость этого слуха. Во время нашего тогдашнего пребывания в Московии некоторые утверждали нам за непреложную истину, что Саломея родила сына по имени Георгий, но никому не желала показать ребенка. Мало того, когда к ней присланы были некие лица для расследования истины, то она, говорят, отвечала им, что они недостойны того, чтобы глаза их видели ребенка, а когда он облечется в величие свое, то отомстит за обиду матери. Некоторые же упорно отрицали, будто она родила. Итак, молва гласит об этом происшествии двояко».

А вот свидетельство князя Курбского, взятое из его «Истории о великом князе Московском»: «Прожив с первой своей женой Соломонией двадцать шесть лет, он постриг ее в монашество, хотя она не помышляла об этом и

не хотела этого, и заточил ее в самый дальний монастырь, находящийся за двести с лишним миль от Москвы, в Каргопольской земле. Итак, он распорядился ребро свое, то есть Богом данную святую и невинную жену, заключить в темницу, крайне тесную и наполненную мраком. А сам женился на Елене, дочери Глинского, хотя и препятствовали ему в этом беззаконии многие святые и добродетельные не только монахи, но и сенаторы его».

Эти два рассказа свидетельствуют о том, что Соломону Сабурову заставили постричься в монахини, чему она всеми силами сопротивлялась. Вскоре после этого распространились слухи о том, что у нее там родился ребенок. В 1934 году реставратор А.Д. Варганов вскрыл в Суздале гробницу, которую приписывали «сыну» Соломонии Сабуровой, и, по его словам, обнаружил там детскую рубашечку. Находку Варганова многие истолковали как косвенное доказательство того, что какой-то ребенок все-таки был. Нашлись романтически настроенные любители отечественной истории, построившие на этой основе версию об «истинном» претенденте на русский престол, персоне, которой-де боялся сам Иван Грозный. Его связывали то с сыном боярским Тишенковым, перешедшим на сторону крымцев в 1571 году и способствовавшим разгрому русской армии, то с разбойничьим атаманом Кудеяром.

Но есть и иная версия, более правдоподобная. Соломония Сабурова видела несчастье мужа и знала об угрозе смуты, нависшей над Россией. Она сама великодушно предложила Василию III постричь ее в монахини, а потом найти вторую жену и родить наследника — ради мира на Руси. Ведь после кончины бездетного супруга, как уже говорилось, могла разразиться большая война претендентов на московский престол — братьев Василия III и других представителей рода Рюриковичей, не принадлежавших Московскому княжескому дому. Этого боялись всерьез. Для страны с точки зрения общественного спокойствия лучшим исходом был

второй брак Василия III и рождение ребенка — бесспорного наследника престола. Русские летописи XVI столетия содержат информацию о духовном подвиге Соломонии Сабуровой, переступившей через свою гордость. Так, в Никоновской летописи говорится, что великая княгиня была пострижена в монахини «по совету ея», т.е. по ее собственному желанию. Допустим, этот монументальный свод создавался под присмотром и с участием великого «книжника» митрополита Даниила; он сам был одним из главных действующих лиц в истории с разводом великого князя, и его точка зрения могла быть введена в летописный текст. Но в Воскресенской летописи, составленной, по разным данным, то ли в 1541 году, то ли в 1542—1544 годах, изложена та же версия: «В лето 7034, ноября, князь великий Василей Иванович постриже великую княгиню Соломонию *по совету ея* (курсив мой. — Д. В.), тягости ради и болезни и бездетства; а жил с нею 20 лет, и детей не было». Между тем к 1541 году митрополит Даниил был уже насильственно сведен с кафедры, и ничто не мешало правительственным летописцам изменить трактовку событий 1525 года, если бы она была, по их мнению, неверна.

Текст Типографской (или, как ее в старину называли, «Синодальной») летописи начала 30-х годов XVI века (по другим данным, конца 40-х — начала 50-х годов) рисует такую же картину: великая княгиня со слезами молит супруга о разводе; он отказывается: «Как могу брак разорити и вторым совокупитися?»; были отвергнуты и советы вельмож аналогичного содержания; тогда с увещеваниями обратился к Василию III сам митрополит Даниил, глава Русской Церкви; он «...многа моли о сем государя и с всем священным саном, да повелит воли ея бытии. Царь же и государь всея Руси, видя непреклонну веру ея, и моления отца своего, Данила митрополита, не презре, повели совершити желание ея».

Откуда тогда взялись сведения о насильственном пострижении и о страшном заточении Соломонии Сабуровой?

Присмотримся к рассказчикам.

Назвать Сигизмунда Герберштейна злопыхателем великокняжеского рода и всей России было бы неправильно. Этот иноземец не был врагом нашей страны, а для его стиля характерна беспристрастность. Как минимум — стремление к беспристрастности. Но... каковы источники информации, на которые он опирался? Свидетелем пострижения Соломонии Сабуровой барон быть не мог. Сомнительно, чтобы по этому поводу был составлен какой-то документ, содержащий подробное описание происходившего, и уж совсем фантастичным надо назвать предположение, согласно которому подобная бумага могла попасть в руки иностранного дипломата. Сигизмунд Герберштейн полагался на молву, слухи — так, во всяком случае, сообщает читателям сам барон. Иными словами, он собирал столичные сплетни. Немецкий дипломат не знал русского, но он привычен был в одном из южнославянских языков, а потому мог находить собеседников в русской среде. Для сравнения можно представить себе современного российского дипломата, прибывшего в Сербию или, скажем, Словению, не имея представления о южнославянских языках и полагаясь на знание родственного им русского. Он подбирает слух о странной истории, произошедшей с женой политического лидера страны... насколько, разумеется, способен понимать сказанное. Сколько в этом слухе истины? А Бог весть. Одни говорят так, другие эдак, словарного запаса для полного прояснения ситуации катастрофически не хватает... Отсюда и вопиющие несообразности в сообщении Герберштейна. Во-первых, летопись четко сообщает о том, что супругу великого князя постригли в Москве, в девичьем Рождественском монастыре, а Герберштейн говорит о суздальских местах, куда прибыла уже инокиня. Во-вторых, пострижение производил, по словам барона, сам митрополит, а несомненно более осведомленный летописец сообщает, что это был «Никольский игумен Старого Давид».

В-третьих, зачем это великокняжескому фавориту Шигоне бич в храме? Кого он там собирался стегать? Монашек? Или на него снизошло предвидение, что великую княгиню придется бить, и он прихватил с собой удобный инструмент? Подробность эта более всего напоминает деталь из городского романа «о жестокой любви и страданиях». Наконец, даже имя супруги Василия III Герберштейн воспроизводит неверно. Очевидно, Соломонию называл Саломеей в разговоре с ним человек, пожелавший очернить ее: ведь аналогия с Саломеей — погубительницей Иоанна Предтечи, дочерью евангельской Иродиады, — должна была бросить тень на благочестие бедной женщины... Какова после всех этих замечаний цена рассказу Герберштейна? Та же, что и любой городской сплетне. «Говорят, что скоро всё подорожает... А особенно поваренная соль!»

Нетрудно представить себе среду, в которой могли зародиться такого рода сказки.

Московская знать, настроенная на политические игры вокруг престола, который должен был опустеть после смерти бездетного Василия III, была разочарована его разводом и новым браком, а потому распустила слухи, порочащие великого князя и его супругу. Сплетни эти дошли до ушей Герберштейна.

Кто же известен в числе противников развода Василия III и его второго брака? Прежде всего, инок Вассиан Патрикеев, сам происходивший из знатнейшего аристократического рода, близкий семейству Сабуровых и настроенный неблагоприятно к суровому правителю Василию III. Преподобный Максим Грек, на которого вряд ли может падать подозрение в связи с московской аристократией, но... с Иваном Даниловичем Сабуровым доброе знакомство он водил. И... князь Семен Курбский, брат деда князя Андрея Курбского! Выходит, один из ярых противников второго брака Василия III, князь Семен Курбский, сохранил эту нелепую историю в своей семье как старинное предание, которым потом

воспользовался его отдаленный родич Андрей Курбский. Насколько достоверным является свидетельство Курбского? В двух словах — совершенно недостоверным. В основе своей оно восходит к истории непосредственного участника событий 1525 года, заинтересованного в определенном толковании своей роли. Возможно, Курбский опирался также и на историю Герберштейна, которую знал (в «Истории о великом князе Московском» есть ссылка на Герберштейна как раз в том месте, где тот расхваливает князя Семена Курбского). Князь-диссидент ненавидел Ивана IV — сына Василия III от второго брака, т.е. и сам был, что называется, «заинтересованным лицом». Наконец, «История о великом князе Московском» появилась через много десятилетий после развода Василия III и, соответственно, изобилует ошибками. Не 26 лет длился брак великого князя и Соломонии Сабуровой, а 20, да и не в Каргополье отправили ее после пострижения, а в Суздаль. Об этом сообщает большинство летописей середины XVI столетия, в том числе независимая Вологодско-Пермская летопись: «В лето 7034 декабря князь великий Василий Иванович велел постричь в черницы свою великую княгиню Соломаниду и послал в Суздаль... к Покрову Пречистые в девичь монастырь». Наконец, мрачными красками обрисованная «темница» бывшей государыни — просто плод воображения Курбского. Как известно, Василий III сохранил к бывшей супруге доброе отношение и даже пожаловал ее, уже ставшую старицей Софией, селом Вышеславским Суздальского уезда в 1526 году, с условием передачи села после ее смерти игуменьи и келарю обители; грамота получила подтверждение в 1534 году. А за несколько месяцев до того Василий III пожаловал Покровскому монастырю село Павловское того же уезда на особых, льготных условиях. Сидела бы инокиня София в «тесном» заточении, так понадобился бы ей доход с богатого села? Нонсенс.

Любопытно, что так называемый Постниковский летописец середины XVI столетия также сообщает, что вскоре после

пострижения Соломонии Сабуровой, 29 ноября 1525 года, она была отправлена «в Каргополье», и там было велено устроить ей в лесу келью, «отыня тыном» (высоким забором). «А была в Каргополе пять лет и оттоле переведена бысть в Девичь монастырь в Суздаль к Покрову Пречистые». Многих смущает мнение известного историка М.Н. Тихомирова, согласно которому автором значительной части Постниковского летописца был крупный чиновник — великокняжеский дьяк Постник Губин, превосходно информированный о «дворцовых новостях». Однако Тихомиров приписывает дьяку отрывок между 1533 и 1547 годами. Что же касается оригинальных известий за вторую половину 20-х годов (в том числе и «каргопольского отрывка»), то источник их неизвестен, и о степени достоверности его судить трудно. Но сообщение о пяти годах ссылки в лесную чащобу, за «тын», явно неправдоподобно. В сентябре 1526-го и марте 1534 года инокиня София пребывала в Суздаль: именно этими месяцами датируется жалованная грамота на село Вышеславское и ее подтверждение. Следовательно, возможны три варианта.

Первое: преподобная София никогда не была в Каргополе, и сведения о ее сидении в лесу — выдумка.

Второе: ее отправили туда буквально на несколько месяцев в первой половине 1526 года, а потом доставили в Суздаль.

Третье и наиболее вероятное: все-таки правы другие летописцы, и преподобная София первоначально была направлена в Покровскую обитель. Но затем, в результате распространения слухов о том, что у монахини и бывшей жены великого князя родился ребенок, ее на некоторое время увезли в Каргопольский уезд. Была ли она там целых пять лет? Неизвестно. Однако между 1531 и 1534 годами преподобная София точно была возвращена в Суздаль, где в дальнейшем жила и закончила свои дни.

У брака Василия III в среде московской служилой аристократии имелись как противники, так и сторонники. Мно-

гих интересовало прежде всего сохранение покоя в стране, перспектива нарушения устоявшегося порядка вызывала тревогу; к тому же не все были заинтересованы в поддержке политической «партии», связанной с кланом Сабуровых. Независимые псковские летописцы оставили противоречивые толкования этой истории. Один из них увидел во втором браке великого князя прелюбодеяние: «...А все то за наше согрешение, яко же писал апостол: иже аще пустит жену свою, а оженится иною, прелюбы творит». Зато другой приводит мнение Боярской думы, настаивавшей на разводе и новом браке: «И начаша бояре говорили: князь де великий... неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда».

До какой степени развод Василия III и его второй брак соответствуют нормам канонического права XVI столетия — вопрос, нуждающийся в оценке крупного специалиста с богословским образованием. В начале XVII века в московской приказной среде, близкой к дипломатическому ведомству, возникла «Выпись» о втором браке Василия III — богословско-публицистический трактат. В нем, с точки зрения отдаленных потомков, дается оценка действиям великого князя, его приближенных и митрополита Даниила. *В сущности, речь идет об осуждении второго брака Василия Ивановича как неканонического и повлекшего за собой небесные кары для династии и всей страны.* По мнению крупнейшего знатока того периода А.А. Зимина, «...разбор реалий (сведений о событиях и лицах), имеющих в выписи, приводит к выводу, что в этом памятнике содержится причудливая смесь достоверных фактов и совершенно ошибочных данных, касающихся самого стержня повествования». В частности, там сообщается об отрицательном мнении преподобного Максима Грека, инока Вассиана Патрикеева, некоего чернеца Селивана, Саввы «святогорца» и книжника Михаила Медоварцева. Поддержали второй брак сам митрополит, Коломенский епископ Вассиан Топорков

и некоторые другие представители русского духовенства. Всё это более или менее подтверждается другими источниками. Однако дальнейшее вызывает сомнения: «Выпись» сообщает о послании, отправленном четырем вселенским патриархам, с просьбой высказать мнение по этому вопросу. И они единомысленно отрицают возможность развода и второго брака в подобных обстоятельствах, особенно же строг патриарх Иерусалимский Марк. Но никаких патриарших грамот, касающихся этой проблемы, не найдено. Неизвестно, существовали они на самом деле или же были плодом воображения поздних публицистов...

Но гораздо важнее другое обстоятельство: все упреки в неканоничности действий Василия III, правильными они были, или нет, адресовывались ему, и только ему. За великой княгиней никакой вины нет. К тому же митрополит Даниил, бывший тогда главой Русской Церкви, не увидел в истории добросердечной женщины и ее страдающего мужа ничего преступного. Он позволил развод и дал благословение на второй брак.

Осталось обвинение Соломонии Сабуровой в колдовстве. Действительно, до наших дней дошли документы времен Василия III (часть следственного дела «о неплодии великой княгини»), в том числе показания казначея Юрия Малого (Георгия из рода греков Траханиотов) и брата Соломонии, Ивана Юрьевича. Дело относится к ноябрю 1525 года. В свидетельских показаниях сообщается, что Соломония Сабурова прибегала к услугам ворожеи Стефаниды-рязанки. Та огорчила великую княгиню, сказав: «Детем не быти», — а потом «наговаривала воду», с помощью которой супруга Василия III могла, по ее словам, сохранить любовь мужа. Затем по просьбе Соломонии Сабуровой Иван Юрьевич, как он говорил, «допытался» иных ворожей. В частности, привел к себе на подворье некую безносую «черницу». Она «наговаривала» воду и пресный мед, «...да посылала к великой княгине... а велела ей тем тертиса от того же, чтоб

ее великий князь любил, да и детей для». Соломония, по словам брата, испытала эти средства, пыталась привлечь к себе любовь супруга и побороть безчадие.

Есть версия, согласно которой все «наговоренные» составы от «ворожей» являлись обыкновенными ароматическими притираниями, своего рода «афродизиаками» того времени. Просто неюная женщина пыталась вернуть себе внимание мужа, призвав на помощь знахарок-от-парфюмерии. Так и сейчас поступают многие дамы... А ее недоброжелатели надавили на свидетелей, чтобы придать делу угрожающе-колдовской характер.

Существует и другая версия, более серьезная, — политическая.

Историки уже высказывали предположение, согласно которому какая-то группировка знати *инспирировала розыск, пытаясь таким образом приблизить решение Василия III о разводе и втором браке*. Так, могущественные семейства московских великокняжеских бояр должны были всячески противиться приходу кн. Юрия Дмитровского на престол, ибо он привел бы на их места в Думе, административном и военном аппарате России своих приближенных. К тому же Юрия подозревали — и, кажется, не без основания — в тайных сношениях со злейшим врагом Московского государства — татарами, чуть ли не с самим крымским ханом. Но в случае бездетности Василия III до самой его кончины именно этот удельный правитель, скорее всего, занял бы великокняжеский престол. Для группировки противников Юрия Дмитровского второй брак и рождение прямого наследника были политически спасительными. Таким образом, великая княгиня попала в центр сложной политической игры... Если бы обвинения в колдовстве сочли существенными, то Соломонии Сабуровой грозило бы страшное наказание. Уже при отце Василия III, Иване Великом, в Московском государстве жгли еретиков, а колдовство заслуживало не менее суровой кары. Но... никто Соломонию Сабурову не

жег, не пытал, жизнь ее в монашестве получила богатое обеспечение. Следовательно, скорее всего вина ее в колдовских действиях доказана не была. Или просто Василий III разобрался в сути интриги. Ведь тот же Иван Юрьевич Сабуров (рында и, возможно, кравчий в свите великого князя), которому вроде бы предстояло понести наказание как прямому пособнику в колдовских делах, остался жив. Более того, точно известно, что в 1543 году он получил ответственный воеводский пост. Да и весь род Сабуровых не пропал, хотя и «притих»: на службах государевых его до самой смерти Василия III не видно. А вот при его малолетнем сыне Иване положение изменяется: в конце 1531 года боярин Андрей Васильевич Сабуров упомянут в документах как воевода на Костроме, а в начале 1540-х Яков Иванович Сабуров (близкая родня Соломонии) воеводствует в Галиче.

Против версии, согласно которой Соломония Сабурова пыталась победить бесчадие с помощью колдовства, работает еще один аргумент. В 1525 году, т.е. накануне расторжения брака, от имени великокняжеской четы в Троице-Сергиеву обитель был сделан драгоценный вклад — шитый жемчугом «воздух», на котором изображено видение преподобного Сергия Радонежского о Пречистой Богородице и апостолах. На нем вышита молитва о чадородии. По отзыву музейных сотрудников Ризницы в Троице-Сергиевой лавре, где сейчас хранится этот предмет, традиции XVI века обязывали знатную женщину лично принять участие в вышивании такой вещи. Известно, что работа над нею могла длиться годами (известен факт о вышивании подобного предмета в середине XVI века на протяжении трех лет). Следовательно, последние годы перед пострижением великая княгиня московская надеялась не на ведовство и волхование, а на помощь сил небесных. Упование ее было тщетно — не дал ей Бог детей, но поднял ее к высотам духовного подвига.

Можем ли мы сейчас твердо установить: прибегала великая княгиня к колдовским чарам или же на нее был возведен

поклеп, в том числе и ближайшей родней? Нет. Остается ли шанс на то, что Стефанида-рязанка и прочие персонажи того же ряда посещали палаты великой княгини? Да, остается. Нельзя, к сожалению, полностью отвергнуть эти сведения, хотя они и сомнительны. Но даже если допустить, что женщина, впавшая в отчаяние, совершила этот грех, то ее долгая добродетельная жизнь во иночестве должна была смыть его, как смыло монашество злобу и жестокость святого Никиты Переяславского.

Итак, Соломония Сабурова стала инокиней Софией. Она отправилась в суздальский Покровский монастырь. Василий III женился во второй раз, и через несколько лет у него родился сын Иван. Самопожертвование Соломонии Сабуровой не было напрасным.

А как же ребенок, якобы родившийся вне закона? Здесь хотелось бы добрым словом помянуть сотрудников Владимиро-Суздальского музея-заповедника. В январе 2008 года они предоставили автору этих строк два документа, проливающих свет на историю с мифическим Георгием, «сыном» Сабуровой. Это, во-первых, акт о раскопках в суздальском Покровском монастыре 19—20 мая 1996 года — за четырьмя подписями, среди которых есть и подпись старшего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН С.А. Беляева. О гробнице, раскрытой А.Д. Варгановым, в акте говорится следующее: «Погребения на этом месте не могло быть по причине физического отсутствия места для него, ибо фундамент представляет единый монолит, сохранившийся в неповрежденном виде без каких-либо выемок в нем, а совершение захоронения между плитами пола и фундаментом невозможно, так как толщина этого слоя в самом его глубоком месте не превышает 0,3 м». Иначе говоря, раскопки 1996 года поставили под сомнение то, что А.Д. Варганов действительно нашел в указанном им месте захоронение с рубашечкой. Ведь там вообще не могло быть гробницы — сплошной камень... А на-

учного протокола вскрытия гробницы А.Д. Варгановым просто нет. Его не составили. Как нет ни фотографий, ни зарисовок. Что ж, провинциальная археология 1934 года, как видно, не знала простейших правил научной работы... Второй важный документ — официальное письмо директора музея-заповедника, заслуженного работника культуры РФ, кандидата исторических наук А.И. Аксеновой в суздальский Покровский монастырь от 11 декабря 2006 года. В нем среди прочего сказано: «Легенда, не подтвержденная документально, остается легендой. Прямых неопровержимых данных о существовании ребенка, приуроченности предметов погребения к имени Соломонии (Софии) нет». Сказано честно и точно.

История с «рубашечкой Георгия» и прежде выглядела странно: на экспертизу в ГИМ экспонат был отправлен только в 1944 году (через десять лет после раскопок Варганова!), представлял собой клубок из металлических шнурков и тесемок, из которого «реконструировали» на современной материальной основе «рубашечку». Из письма самого Варганова известно, что в ГИМе часть сотрудников первоначально склонялась датировать «рубашечку» XVII веком. Аргументы, приложенные к ее окончательной датировке, выглядят невнятно: специалист ГИМ Е.С. Видонова сравнила остатки «рубашечки» с тремя рубашками XVII века из фондов ГИМ и сделала вывод: «Более плотная шелковая тафта, нарядные и в то же время строгие серебряные украшения, тонкая и сложная техника шитья и другие признаки позволяют отнести рубашку к более раннему времени — к XVI и скорее к его первой половине». Вот так резюме! Не имея ни одной рубашки XVI столетия для сравнения, Е.С. Видонова сопоставляла предмет неизвестного времени с материалом XVII века и, повинаясь не Бог весть какой логике, утверждает: раз сделано наряднее, строже, тоньше и сложнее, значит, XVI век! А к XVII, вероятно, люди разучились так шить и стали делать рубашки скромнее,

ласковее, грубее и проще... Но почему? Или, может быть, ком металлического шитья, попавший в ГИМ, относится к XVII или XVIII столетиям? Сравнивая несколько разнородных вещей, столь определенные выводы делать просто легкомысленно.

К настоящему же времени вся история этой находки утратила научное основание.

Остается приложить к фактам здравый смысл. Крайне маловероятно рождение сына после двух десятилетий бесплодного брака. Еще менее вероятно сохранение в тайне самого факта рождения (и воспитания!) ребенка в женском монастыре. Невозможно мотивировать отказ Василия III от желанного наследника — ведь во втором браке сын у него родится лишь несколько лет спустя, в 1530 году! Исключительно трудно представить себе способ, с помощью которого инокия скрыла мальчика от московской комиссии. Если бы версия Герберштейна о гордых словах Соломонии-Софии, брошенных главе следствия, были верны хоть на золотник, то Покровскую обитель и весь Суздаль, наверное, перерыли бы от подвалов до чердаков, а сама женщина закончила бы свои дни в месте куда менее приемлемом, чем богатый аристократический монастырь.

И уж совсем ничем не подкрепленные байки — связь между мифическим Георгием и атаманом Кудеяром. Эта версия пригодна только для «альтернативной истории».

Инокия София скончалась в Покровском монастыре в 1542 году. Она оставила добрую память как человек глубокой веры. Известно, что она сама выкопала колодец для нужд обители. Монастырская традиция сообщает о многочисленных чудесах, совершавшихся у гроба Софии. Особое почитание ее началось еще в XVI столетии, а в середине XVII века состоялось ее прославление в лике святых. Со времен петровских преобразований и на протяжении синодального периода ее почитание оказалось под запретом. Но оно возобновилось в 90-х годах XX века. 27 марта 2007 года

патриарх Алексий II повелел внести имя преподобной Софии Суздальской в Месяцеслов РПЦ. Таким образом, эта старинная святая обретает общерусское почитание.

Итак, на место Соломонии Сабуровой, абсолютно «своей» в среде старомосковской служилой аристократии, к тому же оказавшейся жертвой политических обстоятельств, является чужачка Елена Глинская, к тому же человек властный. Она имела большое влияние на мужа. Желая «угождать» ей, Василий III сбрил бороду — поступок на Руси небывалый! — и завел кое-какие обычаи, характерные для Великого княжества Литовского, откуда явилась со всем семейством Глинских великая княгиня.

После кончины супруга Елена Глинская, опираясь на группировку верной ей знати, правила твердой рукой. При ней было построено несколько важных крепостей, проведена реформа денежного обращения 1535—1538 годов, унифицировавшая монетную чеканку во всем Московском государстве¹¹. Худо-бедно ей удавалось подвигнуть русских воевод на активные действия в Стародубской войне¹². И, главное, великая княгиня обезглавила оппозицию, способную сместить ее с престола.

В начале ее регентства дядя Ивана Васильевича, удельный князь Юрий Иванович Дмитровский, повел странные переговоры с князем Андреем Михайловичем Шуйским. Оба они могли стать претендентами на престол, покуда прямой наследник великого князя мал и не способен за себя постоять. Первый — брат Василия III, а второй принадлежал к числу «принцев крови». Об особом положении Шуйских советский историк Г.В. Абрамович писал следующее: «Князья Шуйские выделялись среди московской знати... родовитостью. Будучи, как и московские великие князья, потомками великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича, они считались принцами крови, т.е. персонами, имеющими право на великокняжеский престол в случае вымирания

Московского рода»¹³. Более того, сами Шуйские считали себя (и не без причин) более родовитым семейством, нежели Московский княжеский дом. В 1606 году, когда на российский престол взойдет князь Василий Иванович Шуйский, у него будут на это все генеалогические основания¹⁴. Но в 1530-х дело обернулось иначе... По приказу Елены Глинской князя Юрия Дмитровского отправили в темницу, где он и умер через несколько лет «на чеши и в железах»¹⁵. Князя Андрея Михайловича Шуйского арестовали, но он, хотя был, как показывает летопись, ведущей фигурой в мятежных настроениях, отделался легко. Наконец, другой брат покойного Василия III, удельный князь Андрей Иванович Старицкий, летом 1537 года попытался захватить Новгород и едва не вступил в прямое вооруженное столкновение с войсками Елены Глинской. Во главе правительственной армии встал князь И.Ф. Телепнев-Оболенский. Мятеж был подавлен, а некоторые крупные фигуры, вставшие на сторону удельного князя, — казнены. Сам князь Андрей Иванович через несколько месяцев после ареста умер «в нуже и страдальческою смертию»¹⁶. Это произошло в декабре 1537 года. Наиболее влиятельный представитель рода Глинских, как уже говорилось, также отправился в заточение. Некоторые другие аристократы попали в опалу.

Трудно определить, до какой степени братья Василия III *на самом деле* стремились занять престол и затевали мятежи. Их активность во многом явилась ответом на жесткие превентивные меры Елены Глинской и ее партии. Великая княгиня опасалась за судьбу малолетних сыновей, поэтому она избрала курс радикального подавления всех политических противников, в том числе *потенциальных*. В этом смысле характер ее правления напоминает образ действий Екатерины Медичи... Великая княгиня, словно птица, пыталась защитить двух сыновей крыльями и готова была биться за них с любым врагом до смерти. В конечном итоге Елена Глинская достигла своей цели. Но после всех принятых ре-

гентшею истребительных мер московская знать не имела ни малейшего повода относиться к ней мало-мальски доброжелательно.

Через много лет князь Андрей Михайлович Курбский, изменивший Ивану IV, передаст мнение большого пласта русской аристократии на этот счет в нескольких фразах: «...посеял дьявол скверные навыки в добром роде русских князей прежде всего с помощью их злых жен-колдуний. Так ведь было и с царями Израиля, особенно когда они брали жен из других племен». И, далее, обращаясь к Ивану Васильевичу: «Ведь отец твой и мать — всем известно, сколько они убили»¹⁷.

Поэтому, даже если великая княгиня после кончины супруга вела чистую и праведную жизнь, за ней повсюду и во всем следовал шлейф недоброжелательства. Надо полагать, это отношение хотя бы отчасти перенесено было и на ее сына. Отсюда разговоры о «незаконнорожденном» наследнике престола, о тайном «истинном» первенце Василия III.

Невозможно проверить, кто был настоящим отцом Ивана Васильевича, да и недостойное дело — пытаться подглядывать семейные тайны далекого прошлого через замочную скважину. В этой истории гораздо важнее другое. Ситуация 1530-х годов позволяла русской аристократии строить планы на повышение ее роли в управлении государством или даже о смене правящей династии. После смерти двух братьев Василия III оставался еще один серьезный претендент на трон — князь Владимир Андреевич Старицкий, сын князя Андрея Ивановича. Он, по всей видимости, являлся человеком, лишенным твердой воли и честолюбия. Но за его спиной стояла мать, княгиня Евфросинья, — особа существенно более энергичная и к тому же имевшая причины ненавидеть малолетнего государя из-за смерти супруга и унижения семьи Старицких.

После кончины Елены Глинской защитниками государя-мальчика можно считать митрополита Даниила, ослабев-

шую от репрессий семью Глинских и, возможно, Бельских (родственников великого князя, хотя и отдаленных)¹⁸. Значительная партия стояла за Старицких. И еще одну сильную партию составляли Шуйские. Этим, последним, приход к власти кн. Владимира Андреевича с его властной матерью представлялся, надо полагать, версией «Елена Глинская номер два». Иными словами, нежелательным вариантом развития ситуации¹⁹. Исследователи XVI столетия сосредотачивались на роли князя Владимира Андреевича в придворных интригах и притязаниях знати, упуская из виду, что претендента из семейства Старицких уравнивала целая гроздь претендентов из семейства Шуйских. Выставить своего претендента до смерти князя Владимира Андреевича Шуйские не могли. Но «выбить» разрозненную и, видимо, довольно слабую группировку, окружавшую Ивана Васильевича, оттеснить ее от кормила власти, а потом сделать великого князя орудием своей воли — о! — это был очень хороший план. Он приводил к тому, что Шуйские, используя нелюбимого мальчишку как фасад для княжения их собственного клана, становились реальными правителями России.

Так и сложился действительный ход событий. Разумеется, в подобных обстоятельствах слухи о незаконнорожденности великого князя оказались выгодными и для сторонников Старицких, поскольку оправдывали их стремление к трону, и для сторонников Шуйских, поскольку ослабляли и без того нетвердую позицию группировки, честно ориентировавшейся на самого Ивана Васильевича.

Итак, в конце 30-х — первой половине 40-х годов XVI столетия Шуйские делают несколько решительных шагов к верховной власти и на некоторое время завоевывают ее²⁰. Для этого им пришлось в 1538 году разгромить слабейшего противника. Весной Шуйские арестовали князя И.Ф. Телепнева-Оболенского, отправили его в темницу и там уморили голодом. Двух представителей рода Шуйских

вскоре «пожаловали» боярским чином, и вместе с прежними боярами-Шуйскими в Думе сидело уже четыре князя этой фамилии!²¹ Осенью того же года князя Ивана Федоровича Бельского взяли под стражу, а свиту его разослали «по селом». Дьяка Федора Мишурина, возвысившегося еще при Василии III и державшегося партии великого князя — мальчика, обезглавили «без государского веления». Боярина Михаила Васильевича Тучкова выслали из Москвы «в село». А несколько месяцев спустя самого митрополита Даниила свели с кафедры. Летопись, отражающая точку зрения Церкви, сообщает о событиях того времени следующее: «...и многу мятежу и нестроению в те времена быша в христианьской земле, грех ради наших, государю младу сущу, а бояре на мзду уклонишася без возбранения, и много кровопролития промеж собою воздвигоша, в неправду суд держаще, и вся не о Боже строяше, Богу сиа попускающе, а врагу действующе»²².

В 1542 году Шуйские свергли митрополита Иоасафа, вступившегося за князя И.Ф. Бельского. Тот же Бельский отправился на Белоозеро «в заточение», где его позднее убили, а виднейшие сторонники князя — в ссылку «по городом». Летопись добавляет: «И бысть мятеж велик в то время на Москве и государя в страховании учиниша»²³. Более того, с князем Бельским расправились вопреки мнению малолетнего государя, который его «в приближении держал и в первосоветниках». Шуйских поддерживала мощная группировка московской знати и, возможно, Новгород, — не было силы, способной им противостоять²⁴.

Покуда свершался переворот, малолетнего государя разбудили среди ночи и заставили «пети у крестов». Великий князь, несмотря на громкий титул, был бессилен как-либо помочь своему любимцу князю Бельскому... Он не был настоящим государем даже в собственной комнате! Но самое страшное унижение ему пришлось испытать в сентябре 1543 года. Шуйские и их сторонники избили государева при-

ближенного, Федора Семеновича Воронцова, за то, «...что его великий государь жалует и бережет»²⁵. Это произошло во время заседания Боярской думы! На Ф.С. Воронцове разорвали одежду и собирались его убить. Иван IV едва упросил пожалеть фаворита. Однако уговорить Шуйских не отправлять Воронцова в дальнюю Кострому, а ограничиться ссылкой в близкую Коломну, великому князю уже не удалось.

Впрочем, торжество Шуйских длилось недолго. Через несколько лет они перестают играть столь заметную роль. Но, по некоторым версиям, напоследок Шуйские громко хлопнули дверью, натравив в 1547 году московский посад, разозленный большим пожаром, на родственников Ивана IV, Глинских. Тогда погиб князь Юрий Васильевич Глинский, буквально разорванный толпой, а другие члены семейства пытались бежать в Литву, опасаясь подобного же конца. Их вернули, государь им это малодушие простил, и дело было «замято».

Для мальчика период приблизительно в шесть или семь лет стал самым черным, самым горьким во всей биографии. Между 1538-м и концом 1543 года в Московском государстве настала пора «Шуйского царства». А для мощного клана аристократов юный государь был всего-навсего пешкой в большой игре. Позднее сам Иван IV будет с горечью вспоминать о годах заговоров: «...когда по божьей воле, сменив порфиру на монашескую рясу, наш отец, великий государь Василий, оставил это бренное земное царство и вступил на вечные времена в царство небесное, предстоять перед царем царей и господином государей, мы остались с родным братом, святопочившим Георгием. Мне было три года, брату же моему год, а мать наша, благочестивая царица Елена, осталась несчастнейшей вдовой, словно среди пламени находясь: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы — литовцы, поляки, крымские татары, Астрахань, ногаи, казанцы, и от вас, изменников, пришлось претерпеть разные невзгоды и печали...»²⁶ Потом

изменники подняли против нас нашего дядю, князя Андрея Ивановича, и с этими изменниками он пошел было к Новгороду... а от нас в это время отложились и присоединились к дяде нашему, к князю Андрею, многие бояре во главе с твоим родичем... Но с Божьей помощью этот заговор не осуществился...» Но худшие воспоминания остались у Ивана Васильевича именно от периода, начавшегося после смерти Елены Глинской: «Было мне в это время восемь лет; и так подданные наши достигли осуществления своих желаний — получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили! Дворы, и села, и имущества наших дядей взяли себе и водворились в них. И сокровища матери моей перенесли в Большую казну, при этом неистово пиная ногами и тыча палками, а остальное разделили... Так вот князя Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и так воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на церковь руку подняли: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы, и сами стали царствовать. Нас же, с единокровным братом моим, святопочившим в божестве Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде, и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего

отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет — ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ... Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать мне о доставшейся родительской казне?»²⁷ Любопытно, что итальянский архитектор Петр Фрязин в 1538—1539 годах бежал за рубеж от «великого насилия» бояр, а бегство свое оправдывал состоянием страны, емко переданным в одной фразе: «мятеж и безгосударство»²⁸. Этим подтверждаются слова государя, а также свидетельства ряда других источников.

После приведенных выше строк кажется одновременно и абсолютно верным, и невероятно лукавым замечание князя А.М. Курбского о воспитании великого князя и его поведении в годы, когда господство Шуйских пошатнулось: «... юный, воспитанный без отца в скверных страстях и самоволии, крайне жестокий, напившийся уже всякой крови — не только животных, но и людей»²⁹. А кто воспитывал его так? Все та же служилая аристократия, страстно мечтавшая поменьше служить и побольше править³⁰. Иными словами, та аристократическая среда, откуда вышел и сам Андрей Курбский — плоть от плоти ее, голос ее, одушевленная правда ее. Нехорош, с его точки зрения, державный младенец, — что ж, можно понять: откуда взяться в таких обстоятельствах доброму воспитанию! Но хороши ли оказались люди, корыстной толпою окружившие трон в пору его детства? Те люди, коих так любил и нахваливал Курбский?

В 1539 и 1542 годах служилая знать московская совершила страшные злодеяния: насильно свела с митрополичьего престола сначала святителя Даниила, а потом и святителя Иоасафа. В будущем князь Курбский станет бичевать государя Ивана Васильевича бестрепетно и грозно: дескать, как мог православный царь стать виновником смерти митрополита Филиппа и других архиереев?! Назовет его «зверем-кровопийцей», сравнит с Иродом и «лютым драконом, губителем рода человеческого». А у государя были добрые

учителя к этой мерзости: цвет русской аристократии, князя Шуйские, в интересах придворной борьбы унизившие двух русских митрополитов. Притом обстоятельства, сопровождавшие сведение их с кафедры и отправку в почетную ссылку, весьма некрасивы. Так, о событиях, связанных с оставлением митрополичьего престола владыкой Иоасафом, человеком кротким и добрым, летопись рассказывает следующее: «...митрополиту Иоасафу начаша безчестие чинити и срамоту великую. Иоасаф митрополит, не мога терпети, соиде с своего двора на Троецкое подворье. И бояре послаша детей боярских городовых на Троецкое подворье с неподобными речми. И с великим срамом поношаста его и мало его не убиша, и едва у них умоли игумен Троецкой Алексей Сергием чюдотворцем от убиения»³¹. Когда святитель Иоасаф пытался найти убежище у великого князя, «бояре пришли за ним ко государю в комнату шумом»³². Таким образом, мальчик стал невольным свидетелем мятежных действий знати. О митрополите Данииле источники сообщают, что он будто бы отличался сребролюбием, чревоугодием, был честолюбив и жестокосерд. Не все в этом списке заслуживает доверия, но дело не в отдельных фактах, более или менее сомнительных, дело в нарушении очень важного принципа. Каким бы ни был грешником митрополит Даниил³³, а он прежде всего сосуд Св. Духа, учитель и владыка. И автору этих строк представляется низостью входить в подробности личной жизни своего же, русского, архиерея. Кто такие были Шуйские, судившие его и лишившие митрополичьей кафедры? Говоря языком современного традиционализма, обнаглевшая кшатра. Им бы полы святительских одежд целовать, а они на духовного владыку Руси смеют поднять руку!³⁴ Для государя-мальчика это был прескверный урок на всю жизнь. Если какие-то Шуйские, властолюбивые интриганы у подножия престола³⁵, позволяют себе играть архиереями, как тряпичными куклами, правителю, выходит, и вспоминать не стоит о це-

ремониях... Гибель митрополита Филиппа, умертвленного одним из вождей опричнины, Малютой Скуратовым, уходит корнями в день унижения владыки Даниила.

Князь Курбский писал о крови, которой «напился» Иван Васильевич еще в детстве. Да, если не со вкусом крови, то, во всяком случае, с ее запахом, юному государю пришлось познакомиться очень рано. Мать и думные люди понемногу приучали его к участию в государственных делах: мальчик присутствовал на приемах иностранных дипломатов, участвовал в церковных торжествах и церемониях. Однако до первой половины или даже середины 40-х годов XVI столетия он вряд ли что-то значил в делах правления. Правил то Елена Глинская, то Шуйские, то, недолгое время, Бельские с группой сторонников. Государю просто не хватало годочков для участия в серьезных играх державства.

Впервые он выходит на арену как фигура, способная отстаивать собственный интерес, в 1543 году — мальчик спас от смерти Федора Воронцова. Тогда дети выросли раньше, чем сейчас, а сиротство и обстановка нестабильности, борьбы между сторонниками разных «дворовых» группировок, вполне реальная возможность лишиться трона — все это очень способствовало быстрому возмужанию Ивана Васильевича. В конце 1543-го — 1544 году он начинает переламывать ситуацию в свою пользу. Вряд ли одни только усилия венценосного подростка могли изменить позиции на шахматной доске большой политики. Была к тому и значительно более серьезная предпосылка: «Шуйское царство», т.е. попытка монополизации власти одной аристократической партией, входило в противоречие с интересами других групп и семейств. Как ни парадоксально, сильный государь оказался не столь уж бесполезен для русской знати того времени: при ее многолюдстве и, может быть, даже избыточности, великий князь исполнял роль арбитра в спорах и следил за тем, чтобы в разделе административного пирога участвовали все значительные силы³⁶. К середине 1540-х

правителя-юношу поддерживали: новый митрополит, а также семейство Глинских, пусть и ослабленное прежними потерями. «Врагами его врагов» стали многочисленные аристократические кланы, противостоявшие Шуйским (Щенятевы, Хабаровы, Тучковы, Бельские, предположительно Морозовы, и особенно Воронцовы), а также все те, кому Шуйские вчистую отрезали дорогу к власти. Эта совокупная сила начинает действовать, превратив малолетнего великого князя в свое знамя. Зимой 1543/44 года «партия государя» наносит ответный удар.

Вот что сообщает об этом летопись: «Тоя же зимы декабря в 29 день князь великий Иван Васильевич всеа Руси, не мога того терпети, что бояре безчиние и самовольство чинят без великого князя веления своим советом единомысленных своих советников, многие убийства сотвориша своим хотением и перед государем многая безчиния и государю безчестия учиниша и многия неправды земле учиниша в государеве младости, и великий государь велел поимати первосоветника их князя Андрея Шуйскаго и велел его предати псарем. И псари взяша и убиша его, влекуще к тюрьмам противу ворот Ризположенских в граде. А советников его розослал, князя Федора Шуйскаго, князя Юрия Темкина, Фому Головина и иных. И от тех мест начали бояре бояться от государя, страх имети и послушание»³⁷. Видимо, сопротивление группировки Шуйских было подавлено недостаточно. Поэтому ровно через год, в декабре 1544-го, был нанесен второй удар, на добивание. Пострадало лишь одно семейство, относившееся к числу явных сторонников Шуйских: «...положил князь великий опалу свою на князя на Ивана на Кубенского за то, что они [так в летописи!] великому князю государю не доброхотствовали и его государству многие неправды чинили, и великое мздоимство учинили и многие мятежи, и бояр многих без великого государя веления поимали и побили. И князь великий велел, его поймав, сослати в Переславль и посадити за сторожи и

со княгиней...»³⁸ Опала была кратковременной и закончилась в мае 1545 года. Очевидно, эта мера имела своей целью оказать устрашающее воздействие. Сторонникам «Шуйского царства» давали понять: прежнее влияние им не вернуть, а лучше бы вести себя поскромнее и потише. Так было совершено первое значительное политическое деяние Ивана IV. Сопровождалось оно действительно кровопролитием. И для партии Шуйских подобный разгром стал полной неожиданностью...

Но...

Допустим, государь-подросток впервые показал зубы, впервые пролил кровь, освободился от ненавистных врагов. Стал ли он после этого самовластным правителем? Освободился ли он от преобладающего влияния служилой знати на дела высшей государственной важности? Да об этом и речи быть не может. Совершенная неопытность великого князя в дипломатии, военном деле и внутренней политике, его юношеский возраст, недостаток сил, которые могли бы оказать прямую поддержку в конфликте с мощными аристократическими группировками, делали его полностью зависимым от действий служилой знати. Освободился личный государев обиход, но это никак не означает начала единовластного правления.

«Шуйское царство» кончилось, но боярское правление продолжалось.

На протяжении трех лет или около того Иван Васильевич отстаивает свой новый статус от попыток принизить его, реставрировать наиболее неприятные для него моменты из времен боярского правления. Так, например, в сентябре 1545 года Афанасию Бутурлину, представителю древнего московского боярского рода, отрезали язык «за его вину, за невежливые слова». А через месяц Иван IV возложил опалу на целую группу служилых аристократов. Впрочем, довольно быстро они получили прощение в результате «печалования» митрополита Макария. Опала для середины XVI сто-

летия — очень неприятное событие, ставящее целую семью в униженное положение и не позволяющее участвовать в государственных делах. Так вот, помимо самих Шуйских и их явных сторонников, подвергся опале старый царский любимец Федор Воронцов. Таким образом, можно заподозрить: юный царь рвался к полноте власти, равной временам правления его отца, а верхушка военно-служилого сословия не торопилась сдать юноше позиции, занятые ею в 30-х — начале 40-х годов³⁹. В результате начинаются столкновения и с теми, кто раньше явно поддерживал великого князя, пытавшегося прекратить «Шуйское царство».

Впрочем, источники не позволяют судить, действительно ли эти удары наносил юный правитель. Его именем для расправы над врагами с той же вероятностью могли воспользоваться аристократические группировки, потеснившие клан Шуйских. Чего было больше — молодого задора в борьбе монарха за право самому решать державные дела, или же тонко рассчитанной интриги, смысл которой государь не обязательно понимал, а и понимая, не обязательно мог воспротивиться? Нет четкого ответа на этот вопрос.

Характер Ивана Васильевича резко испортился. От тех лет сохранились известия от молодом незамысловатом хулиганстве великого князя, о его странных играх и жестоких забавах. В частности, псковская летопись, абсолютно независимый источник, сообщает о потравах и разоре, учиненном в псковских землях резвым молодым человеком и его товарищами⁴⁰. Видимо, во время одного из игрищ Иван Васильевич разъярился на одного из свитских молодых людей, княжича Михаила Богдановича Трубецкого, и велел удавить его⁴¹. По косвенным известиям можно строить догадки о том, что великий князь любил охоту, скomoroxов⁴², был охоч до женского пола и, возможно, какое-то время склонялся к содомии. Молодой правитель отличался крайне эмоциональным и притом несдержанным характером. Видные представители духовенства обращались к нему с увещеваниями. К счастью,

увеселения перемежались поездками по монашеским обителям, продолжавшимися неделями, а порой и месяцами.

В то же время столь насыщенная жизнь не оставляла времени для дел правления. То ли сам Иван Васильевич не стремился утрудить себя заботами державства, то ли ему не очень-то и давали вмешиваться в работу государственного механизма.

Напряжение постепенно нарастало и закончилось жестоким кризисом. В мае или июне 1546 года Иван Васильевич выходил с войсками под Коломну, видимо, по «крымским вестям». Боевых действий не случилось, и великий князь остался на некоторое время в тех местах для игр и развлечений. Отряд новгородских пищальников попытался подать ему какое-то челобитье; не желая принимать его, Иван Васильевич попробовал было отослать отряд, но пищальники уперлись, не собираясь уходить. Между ними и дворянами великокняжеской свиты произошло настоящее сражение, с обеих сторон были убитые. Полагая, что за попыткой в неурочное время в неурочном месте подать челобитную кроется заговор людей, стоящих намного выше простых пищальников, государь поручил дьяку Василию Захарову-Гнильевскому розыск. Тот указал нескольких виновных, и в истинности его слов, судя по нескольким странным оговоркам в летописном тексте, Иван Васильевич впоследствии сомневался. Но тогда он велел (может быть, не вполне обоснованно) казнить Федора Семеновича Воронцова, ставшего влиятельным человеком при особе государя, его родича Василия Михайловича Воронцова, а также старого крамольника князя Ивана Ивановича Кубенского. Иван Михайлович Воронцов и Иван Петрович Федоров отправились в ссылку⁴³.

Источники не дают возможности определить, существовал ли на самом деле заговор⁴⁴. Но расправа с несколькими видными представителями знати показала: конфликт на самой вершине власти грозит вновь обернуться открытым противостоянием.

Надо было что-то менять.